

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИК
ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ
ТАРЛЕ

СОЧИНЕНИЯ
В
ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

АКАДЕМИК
ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ
ТАРЛЕ

СОЧИНЕНИЯ

Т О М
VII

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

А С. Ерусалимский (главный редактор),
Н. М. Дружинин, А. З. Манфред, М. И. Михайлов,
М В Нечкина, Б. Ф. Поршнев, Ф. В. Потемкин,
В. М. Хвостов, О. Д. Форш

РЕДАКТОР ТОМА

М В Нечкина

ОТ РЕДАКТОРА

В VII том Сочинений академика Е. В. Тарле входят его работы, посвященные Отечественной войне 1812 г. и Наполеону: «Наполеон»¹, «Нашествие Наполеона на Россию»², предисловие к I тому «Избранных произведений» Наполеона³, статья «Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат»⁴. Тут же публикуется близкая по тематике статья «Французская революция и Англия»⁵.

Том VII включает в себе, таким образом, основной комплекс трудов Е. В. Тарле, посвященных Наполеону и его нашествию на Россию.

Эти работы, вызвавшие в дальнейшем оживленную полемику, хорошо известны советскому читателю. Главные из них известны и за рубежом: книги Е. В. Тарле «Наполеон» и «Нашествие Наполеона на Россию» были переведены на французский, английский, немецкий, итальянский и другие иностранные языки. Выход в свет указанных работ Е. В. Тарле явился в свое вре-

¹ Впервые опубликована отд. изд., М., 1936. 624 стр. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий, вып. 4—6). Печатается по изданию: М., Госполитиздат, 1942. 368 стр.

² Впервые опубликована в журнале «Молодая гвардия», 1937, № 10—11, стр. 166—242; № 12, стр. 202—228; 1938, № 1, стр. 106—143; № 2, стр. 46—88; № 3, стр. 64—112. Отд. изд.: М., Соцэкгиз, 1938, 282 стр. Печатается по изданию: М., Госполитиздат, 1943, 364 стр.

³ Опубликовано в кн. *Наполеон. Избранные произведения*, т. I, М., 1941, стр. V—VIII.

⁴ Впервые опубликована в журнале «Вопросы истории», 1952, № 3, стр. 34—82.

⁵ Впервые опубликована в кн. «Французская буржуазная революция 1789—1794». М.—Л., 1941, стр. 231—243.

мя значительным событием советской исторической науки, и правильно оценить их можно лишь с историографических позиций.

Отечественная война 1812 г. и темы, связанные с Наполеоном, не привлекали особого внимания историков в первый период развития советской исторической науки (1917—1934 гг.). В эти годы вышел сборник М. Н. Покровского «Дипломатия и войны царской России»⁶, составленный в основном из статей по истории внешней политики России, написанных автором еще в 1907—1910 гг. для девятитомника «История России в XIX веке» (изд. бр. Гранат). Тут, в главе, посвященной обзору внешней политики России в первые десятилетия XIX в., было отведено два десятка страниц «двенадцатому году». В III главе неоднократно переизданной в эти же годы «Русской истории с древнейших времен»⁷, как и позже в «Русской истории в самом сжатом очерке»⁸, М. Н. Покровский не уделял этой тематике самостоятельных глав, обычно включая скудные страницы, относящиеся к 1812 году, в вводную часть отдела о декабристах. В сущности этим и исчерпывалась в то время советская историография Отечественной войны 1812 г.

Остро критическое отношение М. Н. Покровского к дворянской историографии двенадцатого года было его заслугой. Он разоблачал официальную «царистскую» концепцию, характерную и для А. Н. Михайловского-Данилевского и для М. И. Богдановича, которые превозносили якобы решающую роль Александра I в войне, приписывали победу «царю и промыслу божью», принижали значение в войне народа и выдающихся русских полководцев.

Выдвигая на первое место императора, официальные дворянские историки рисовали народ как безликую массу, слепо преданную «царю-батюшке», и расписывали «любовь» закрепощенного крестьянства к помещикам, делая ее мотивом сопротивления врагу, насыщая понятие «отечественной войны» квасным патриотизмом. Однако, заняв правильные критические позиции

⁶ Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России. М., 1923.

⁷ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. М., изд. «Мир», 1913—1914.

⁸ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., Госиздат, 1920.

по отношению к дворянской историографии, М. Н. Покровский не сумел создать правильную позитивную марксистскую концепцию изучаемых явлений. Он «оправдывал» агрессию Наполеона, не разобрался в характере его захватнической политики, даже отказывал войне 1812 г. в названии «Отечественной», отрицал патриотизм народа и его роль в защите родины, затушевывал деятельность выдающихся русских полководцев, особенно М. И. Кутузова, полагал, что французская армия пала жертвой не народного сопротивления всей России, а недостатков собственной организации.

Уничжительная для великих событий трактовка М. Н. Покровского влекла за собой недооценку их и как темы исследования. Казалось неправильным посвящать силы разработке подобных малозначительных квази-патриотических тем, и они отодвигались на задний план, выпадали из числа очередных, не привлекая внимания исследователей. Научная молодежь не выбирала поэтому этих тем для углубленного изучения. Однако сознание неправильности концепции М. Н. Покровского и незаслуженного забвения, в которое погрузилась такая важная для исторического мировоззрения проблематика, мало-помалу созревало среди историков. Глубокая и правильная ленинская оценка этих исторических явлений была перед глазами — издание Сочинений В. И. Ленина способствовало повороту мысли. Исторические постановления Коммунистической партии и Советского правительства об ошибках М. Н. Покровского и его «школы» оказали опромную помощь исторической науке. Гораздо шире и планомернее стало изучаться ленинское наследие. Развилась монографическая работа, вышли в свет разнообразные исторические учебники, утвердилась продуманная марксистско-ленинская концепция отдельных исторических дисциплин, восстановились исторические факультеты. Наступил период значительного оживления в исторической науке.

Работы Е. В. Тарле «Наполеон» и «Нашествие Наполеона на Россию» вышли в свет вскоре после постановления партии и правительства об ошибках «школы» М. Н. Покровского. Они заняли свое место в числе едва ли не самых первых монографий, которыми советская наука откликнулась на эти исторические постановления. Свежие, талантливые, построенные на живом ма-

териале первоисточников, богатые правильными обобщениями и написанные рукой большого мастера слова, эти книги открыли перед советским читателем новую область крупного исторического значения. В книгах раскрывалась большая тема краха замысла мирового господства, разбившегося о сопротивление всколыхнувшихся народов. Эти великие исторические события были показаны на фоне эпохи крушения феодального строя, которому классовая борьба первых десятилетий XIX в. нанесла значительные удары. Работа о 1812 годе была проникнута чувством горячего патриотизма, и первые рецензенты справедливо называли ее «книгой о героизме русского народа». Перед читателем проходили живые картины далекого прошлого — сложная обстановка возникновения наполеоновского замысла мирового господства, острое экономическое соперничество между двумя капиталистическими странами — Англией и Францией; поднималась Россия как последнее препятствие к установлению всеевропейского владычества буржуазного диктатора, вероломное нападение которого на нашу родину вставало в живых образах. Тяжелые картины первого периода отступления сменялись драматически нарастающими событиями последующих дней, возникала фигура Кутузова как крупнейшего полководца, гремела Бородинская битва, враг вступал в Москву, собирались силы героически сопротивлявшегося народа, рисовались картины, партизанской борьбы, военных ударов усилившейся русской армии, изгнания врага... В условиях нараставшего напряжения предвоенных лет книги Е. В. Тарле сыграли большую положительную идейную роль, которая еще более возросла в годы Великой Отечественной войны с немецким фашизмом, когда эти работы вооружили тысячи военных лекторов и пропагандистов, легли в основу многих статей и популярных книг, были взяты на вооружение героической страной, боровшейся против гитлеровских захватчиков.

Е. В. Тарле никогда не считал свои работы о нашествии Наполеона на Россию такими монографиями, которые исчерпывали бы предмет и все положения которых были бы окончательными и неоспоримыми. Его живая исследовательская мысль всегда искала путей для нового продвижения вперед. Позднейшая критика его работ (1951 г.) указывала на их не-

достатки, говорила о необходимости расширить круг первоисточников через систематическое привлечение отечественного документального материала, дать анализ глубоких стратегических расчетов М. И. Кутузова перед Бородинской битвой, иначе проанализировать и самую битву, деятельно изучить и раскрыть подготовку и проведение в жизнь контрнаступления русской армии во втором периоде войны⁹. В статье Е. В. Тарле «Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат», напечатанной в 1952 г. в «Вопросах истории», автор пошел навстречу указаниям научной общественности и учел ряд критических замечаний, высказанных в указанной полемике.

Монография Е. В. Тарле о Наполеоне вносила значительный вклад в науку: тут впервые было проведено тщательное исследование экономической базы возникновения бонапартизма и раскрыто классовое лицо стремящегося к мировому господству диктатора, представлявшего на мировой арене крупную промышленную буржуазию Франции. В работе Е. В. Тарле было ярко показано, как Наполеон, поднявшийся на волне Французской революции, постепенно все более и более отходил от ее общенародных целей и становился представителем крупных французских промышленных буржуа, сохранивших из завоеваний Французской революции только то, что было выгодно новому эксплуататорскому классу. Раскрыть особенности экономических предпосылок бурных политических явлений начала минувшего века Е. В. Тарле помогли, конечно, его специальные исследования по истории континентальной блокады¹⁰. Книга Е. В. Тарле появилась в годы возрастающей в Европе опасности войны в связи с укреплением у власти фашистской диктатуры Гитлера — нового претендента на мировое господство, — она была поэтому в какой-то мере «созвучна» событиям, раскрывая неизбежность краха одного из более ранних замыслов мирового господства.

Публикуемые в настоящем томе работы Е. В. Тарле воспроизводятся по их последним прижизненным изданиям.

М. Нечкина

⁹ «Большевик», 1951, № 19 (октябрь), стр. 77—80.

¹⁰ См. наст. изд., т. III и т. IV.

НАПОЛЕОН

ВВЕДЕНИЕ

Новое издание моей книги выходит в разгаре борьбы нашей героической армии против гнусной гитлеровской орды, возглавляемой человеком, который является в полном смысле мерзейшей и прежде всего смешной карикатурой на Наполеона.

Как известно, не только сам Гитлер, но и вся его шайка (в особенности Геббельс, Фрик, Дитрих и вообще те из них, кто «по письменной части») довольно настойчиво любит проводить параллель между «фюрером» и... Наполеоном. Они очень хвалят Наполеона «за объединение континента против Англии» и за попытку покончить с Россией. Разгром армий Наполеона в России в 1812 г., приведший в конечном счете к крушению наполеоновской империи, они объясняют не только морозами и другими случайностями, но и тем, что Наполеон как-то нерешительно ставил вопрос: он хотел победы и подчинения политики Александра его, наполеоновской, политике. А нужно было ставить дело шире, так, как поставил «фюрер»: нужно было поставить основной задачей физическое искоренение большей части русского народа и захват всей русской территории. Таким образом, «фюрер» призван возобновить и победоносно завершить дело великого императора. Этой скромной мыслью объясняется вся демонстративная, театральная шумиха, давно уже производимая гитлеровской бандой вокруг имени Наполеона. Этим объясняется и помпа с военным парадом при торжественном перенесении гроба сына Наполеона из Вены в Париж. Этим объясняется и то, что Гитлер, приехав в Париж, отправился прямо с вокзала поклониться праху Наполеона, к саркофагу во Дворце инвалидов, и другие комедиантские выходы в том же духе.

При всей смехотворности и прямой карикатурности серьезных сравнений ничтожного пигмея с гигантом стоит сказать несколько слов о глубоких, коренных отличиях, существующих между исторической почвой первой французской империи и

той почвой, на которой гитлеровская банда воздвигла свой шаткий кровавый балаган. Полуграмотная шайка, в которой недоучка Розенберг и пустейший бумагомарака Геббельс числятся уже эрудитами, только потому до сих пор не запретила зловещих для нее стихов Гете, что, конечно, никогда их и не читала. А великий поэт как будто предвидел это нелепейшее обезьянничанье Гитлера, когда писал свои бессмертные, истинно пророческие стихи:

Будь проклят тот, кого, как вал,
Гордыни буйство одолеет,
Кто, немцем будучи, затеет,
Что корсиканец затевал!
И вспомнит он поздней иль ране
Мои слова! Поверит им!
Он обратит весь труд, страданья,
Во зло себе и всем своим!¹

Историческая обстановка, при которой началась, развивалась и окончилась изумительная карьера Наполеона, была такова, что ему суждено было отчасти в истории Франции, а особенно в истории покоренных им стран играть долгое время определенно прогрессивную роль.

Даже в самой Франции его военный деспотизм сохранил немало таких завоеваний революции, которые безусловно имели прогрессивный характер. Недаром Пушкин вслед за многими публицистами и историками своего времени назвал Наполеона «наследником и убийцей» революции. Не только «убийцей», но и наследником. Конечно, Наполеон уничтожил все ростки политической свободы, которые начали было всходить при революции. Он круто оборвал начавшееся было движение, которое, хотя с большими перебоями и отклонениями, все-таки устремлялось в сторону установления буржуазно-конституционного режима. Наполеон задавил во Франции всякое воспоминание, всякий намек на политическую свободу. На малейшее противоречие своей воле, своим предначертаниям он смотрел как на государственное преступление. Ни свободы слова, ни свободы печати, ни свободы собраний при нем не было и следа. Никакого участия граждан в государственном управлении, в законодательстве, в направлении текущей политики он не допускал. Всюду должна была царить его ничем не стесняемая воля. Законодательство, касающееся рабочего класса, затрагивающее отношения между рабочим и работодателем, уже при революции отличалось вопиюще несправедливым характером и отдавало рабочего в жертву хозяйской эксплуатации. При Наполеоне были введены новые постановления, еще более ухудшающие юридическое положение рабочего класса.

Но наряду с этими явлениями были налицо и другие.

Наполеон с самого начала своей государственной деятельности ясно сознавал и неоднократно провозглашал, что разрушенный Великой буржуазной революцией феодальный строй никогда уже не воскреснет и не должен воскреснуть. Наполеон своим светлым, трезвым умом сразу же увидел, что дворянские реакционеры, эмигранты, ни за что не желающие примириться с победой буржуазной революции, осуждены на полную неудачу, потому что как нельзя реку заставить течь в обратном направлении, от устья к истокам, точно так же невозможно повернуть вспять всемирную историю. Поэтому он создал обширную, всеобъемлющую систему гражданского права, кодекс уголовного права, стройную, глубоко продуманную сеть административных, судебных, финансовых учреждений, которые навсегда уничтожили возможность каких бы то ни было поползновений вернуть старый феодальный строй. Отняв у буржуазии право на прямое вмешательство в государственное управление и законодательство, Наполеон тем не менее вполне сознательно и планомерно производил своей единоличной, самодержавной волей те глубокие и очень прочные преобразования во французском государственном и общественном строе, которые соответствовали социально-экономическим интересам и потребностям буржуазного класса, в особенности буржуазии крупной.

Если, например, гражданское законодательство, устройство суда и управления в царствование Наполеона вполне удовлетворяли не только крупную, но и громадную по своей численности мелкую городскую и сельскую буржуазию, то внешняя политика Наполеона имела в виду в значительной мере интересы именно крупной буржуазии, промышленников по преимуществу. О процветании крупных промышленных фирм и о создании новых (в особенности в области текстильной индустрии) Наполеон заботился неукоснительно. И когда он сокрушал одно за другим государства феодально-монархической, дворянской Европы, то при заключении мира с противником никогда не упускал из виду реализовать максимально выгодные условия для французской промышленности. Победленное государство должно было всякий раз превращаться, во-первых, в нужный для французов рынок сбыта и, во-вторых, в рынок сырья. Но Наполеон сознавал себя, да и был в самом деле, завоевателем и государственным человеком, а не уголовным разбойником, предводительствующим бандой преступных головорезов. Поэтому при всей эгоистичности своей политики, при всей эксплуататорской целеустремленности всех своих начинаний в области внешней политики французский император отчетливо понимал, что разорять в лоск покоренные народы прежде всего невыгодно и нецелесообразно.

Завоевав Италию, Наполеон прежде всего обеспечил

крестьянство этой страны от разных незаконных поборов и притеснений, потому что ему нужно было, чтобы итальянский превосходный шелк-сырец не только продолжал бесперебойно доставляться во Францию для лионских шелковых мануфактур, но чтобы он доставлялся впредь еще в гораздо больших количествах. А если спугнуть крестьянина, разрешив солдатские ошеломительные грабежи, то, конечно, всякая работа по возделыванию и сбору сырья прекратится и значение Италии как рынка сырья для французской промышленности будет подорвано. Подчинив себе все германские государства, Наполеон поставил их в такие условия, когда они могли продолжать спокойно и невозбранно свою хозяйственную деятельность. Разграбив же их сразу и дочиста, он уничтожил бы рынок сбыта для той же французской промышленности.

Мало того, когда Наполеон в завоеванных им странах беспощадно сокрушал феодальный строй, освобождал миллионы крестьян от крепостного рабства, провозглашал полное равенство всех сословий перед лицом гражданского и уголовного закона, он тем самым значительно повышал благосостояние населения этих стран, емкость и покупательную способность нового рынка сбыта для французской индустрии. Таким образом, разрывая всякие феодальные путы и ломая перегородки, ускоряя процесс включения Европы в развивающуюся систему капитализма, Наполеон, движимый прежде всего интересами французской буржуазной экономики, вместе с тем объективно служил делу экономического и социального прогресса, способствовал ускорению ликвидации старых, обветшалых форм быта. Таким образом, по своим последствиям его грандиозная историческая роль явилась в общем ролью прогрессивной.

Ничего общего нет и не могло быть между обстоятельствами, при которых возникла диктатура Наполеона, и условиями, сделавшими возможным хотя бы кратковременное владычество в Европе гитлеровской банды. Еще менее сходства, по-видимому, окажется между историей крушения наполеоновской империи и уже явно наметившимся ходом событий, которые приведут с полнейшей неизбежностью к уничтожению немецкого фашизма.

Сам Наполеон своим холодным, всегда ясным и светлым умом отлично понимал, в чем тайна его колоссальной популярности и могучей крепости его трона, который и в самом деле мог быть низвергнутым лишь после отчаяннейших и долгих усилий всей Европы. Он слышал возгласы крестьян при своем триумфальном возвращении в 1815 г.: «Да здравствует император! Долой дворян!» И он отвечал тогда на эти возгласы так, как ответил в Гренобле, едва войдя в этот город: «Я явился, чтобы избавить Францию от эмигрантов. Пусть берегутся свя-